

Л. МЮЛЛЕР

«Темное место» в договоре русских с греками от 2 сентября 911 г.*

Не только «Слово о полку Игореве» имеет свои «темные места», но и так называемая летопись Нестора («Повесть временных лет»).¹ Таким «темным местом» является вступление к предписаниям по уголовным делам в мирном и торговом договоре русских с греками от 2 сентября 911 г., в 9-м и 10-м предложениях летописной статьи 6420 (911/912) г. по изданию ПСРЛ 1926 г.² Я цитирую текст в упрощенной орфографии по списку Р, так как список Л имеет в этом месте большую лауну, и привожу немногие существующие разночтения по спискам А, Ип, Х. Чисто орфографические варианты я оставляю без внимания, выносные буквы выделяю полужирным шрифтом.

«А о главах^а ижес ключит^б проказа урядими^в сице. Да елико явѣ боудѣ показании явлеными^г да имѣют вѣрное. о тацѣх явлении. а смуж начнуть не ати вѣры. да^д кленется часть та. иж^е ищеть неятю вѣры^ж. да егда кленетъ по вѣре своеи. и боудѣ казнъ. якож явитье согрешенье».

В языковом отношении текст не представляет особых трудностей. Не совсем ясен во втором предложении оборот «да имѣют вѣрное о тацѣх явлении» «Явлении» синтаксически повисает в воздухе. По-видимому, Миклошич и Шахматов³ справедливо исправили здесь на «явление». Это слово взаимосвязано с «вѣрное» и образует вместе с ним дополнение к «имѣют».

* Пер с нем Н В Савельевой — *Ред*

^а головахъ *Ип Х* ^б ключють *Ип* ^в урядимъ *А* урядимся *И Х* ^г явленными *А* ^д да не *Ип Х* ^е яже *Микл Шахм* ^ж В Никоновской летописи, Софийской I и Новгородской IV отсутствуют слова от «да (не) кленется» до «вѣры» (см ПРП С 26) — очевидно, механическая описка произошедшая из-за пропуска части текста перед употребленным во второй раз словом «вѣры»

¹ Ср название сообщения Я К Эрбена в Отделении русского языка и словесности Российской Академии. Объяснение и исправление некоторых темных и испорченных мест древнейшей русской летописи // Зап Имп Академии наук СПб, 1870 Т 16 С 117—130

² ПСРЛ 2-е изд Л, 1926 Т 1 Стб 34 Строки 5—11 Я цитирую текст летописи Нестора по этому изданию и в дальнейшем использую следующие сокращения ПРП — Памятники права Киевского государства X—XII вв / Сост А А Зимин М 1952 (Памятники русского права Вып 1)

Для списков летописи Нестора

А	— Академический список	Микл	— Chronica Nestoris Textum russico-slovenicum / Edidit Fr Miklosich Vindibona 1860
Х	— Хлебниковский список		
Ип	— Ипатьевская летопись	Шахм	— Шахматов А А «Повесть временных лет» Т 1 Вводная часть Текст Примечания Пг 1916
П	— Паврентьевская летопись		
Р	— Радзивилловский список		

³ Микл С 17 Шахм С 35

Вариант Ип и Х «да не кленется» вместо «да кленется» рассматривался, как я полагаю, правильно, большинством исследователей не как первоначальное чтение, а, скорее, как попытка смысловой коррекции трудно понимаемого текста. К этому вопросу мы еще вернемся.

Однако затрудняет понимание этой статьи договора не второе предложение, несколько неясное в языковом отношении, а совершенно понятное лингвистически заключительное предложение, если толковать его так, как оно до сих пор почти всегда понималось. Согласно господствующей до сих пор интерпретации оно значит следующее: в случае, если показания истца не совсем ясны и убедительны, сторона, которая оспаривает эти показания, т. е. обвиняемый, должен принести клятву, что он не совершал преступления, в котором его обвиняют. Смысл этой клятвы может состоять только в том, чтобы обвиняемый, при отсутствии абсолютно ясных показаний, имел возможность клятвой подтвердить свою невиновность и чтобы после этого процесс против него был прекращен. Но последнее предложение указывает все же, что обвиняемый, несмотря на свою клятву, подлежит наказанию соразмерно преступлению, которое он (будто бы, согласно недоказанному обвинению) совершил. Для чего его заставляли клясться, если его преступление, несмотря на клятву, считается доказанным, и ему за это преступление определяется соответствующее наказание? Каким образом различные переписчики, издатели, переводчики и комментаторы справлялись с этой трудностью?

Август Людвиг Шлецер в 1805 г. в 3-й части своего «Нестора»⁴ издает текст статьи по списку Р, однако переводит только вводное предложение: «Wegen vorfallender Schaden [Frevel] setzen wir Folgendes fest». Далее он добавляет в угловых скобках: «Сам я не рискую здесь переводить». Затем он приводит шесть имеющихся у него переводов, очень сильно отличающихся друг от друга, однако отвергает все эти переводы, характеризуя их следующими словами: «Все это переводы одного и того же текста: видели ли вы когда-нибудь столь странных переводчиков, которые вставляют, пропускают, изменяют текст, как им заблагорассудится?».

Осторожность Шлецера в отношении непонятого ему текста делает честь его критическому уму, ясно показывает трудности параграфа, но не дает помощи для его понимания.

Не столь осторожен Н. М. Карамзин. В 1-м томе его «Истории государства Российского», вышедшей в 1816 г., он передает содержание нашего параграфа следующими словами: «В случае же преступления и вины да поступают тако: вина доказывается свидетельствами; а когда нет свидетелей, то не истец, но ответчик присягает — и каждый да кленется по Вере своей».⁵

Выделенные курсивом слова являются дополнением Карамзина. Однако он умалчивает о том, что опускает следующее предложение, в котором собственно и заключается трудность. Он считает также, что параграф не заслуживает примечания, хотя Шлецер указал на его проблематичность.

В 1851 г. С. М. Соловьев издал 1-й том своей «Истории России с древнейших времен». Содержание интересующей нас статьи он передал следующими словами: «При каждом преступлении должно основываться на ясных показаниях, но при заподозрении свидетельства пусть сторона подозревающая клянется в том, что свидетельство ложно; пусть всякий клянется по своей вере и пусть примет казнь, если клялся ложно».⁶

⁴ Schlozer A. L. Nestor: Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen / Von Schreibfehlern und Interpolationen gereinigt, erklärt und übersetzt von August Ludwig Schlozer Göttingen, 1805 Tl 3 S 312 f

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского / Под наблюдением проф. П. Н. Полевого СПб., 1892 Т. 1 С. 91

⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен М., 1956 Кн. 1 С. 143

Я полагаю, что Соловьев с такой интерпретацией был на пути к верному пониманию параграфа, но он не поясняет, каким образом приходит к такому пониманию; остается также неясным, кто подразумевается под словом «всякий»: должен ли истец еще раз клясться, или же это должно просто обозначать, что всегда, когда встречается подобная ситуация, клянущийся (т. е. обвиняемый) должен клясться «по своей вере», что собственно само собой разумеется и что, если это имеется в виду, выражено все же несколько странно и как будто бы не к месту. Наконец, остается неясным, каким образом может быть доказано, что он поклялся ложно, и какому наказанию он в таком случае должен быть подвергнут. Из-за всех этих неясностей интерпретация Соловьева и не нашла сторонников и последователей.⁷

В 1860 г. Франц Миклошич опубликовал в своей книге «Chronica Nestotis» текст летописи, реконструированный на основании различных списков и орфографически нормализованный. Он меняет, как уже было сказано, «явлении» на «явление», а кроме того, «имѣють» на «имѣемъ».⁸ Эта последняя поправка кажется мне безосновательной. Стороны, заключающие договор, говорят здесь не о себе, а о судьях в возможно совершившемся уголовном деле. Однако в примечаниях к тексту своей реконструкции Миклошич вносит и дальнейшие предложения по изменению текста. Вместо «да кленется часть та, иже ищет неятю вѣры» он предлагает читать: «да не кленеть ся часть та, не ятѣ (бывѣши) ей вѣрѣ», и помещает при этом следующий латинский перевод: «ne iuret pars illa, quae actionem instituit, quin fides ei habeatur». Это, по-видимому, должно обозначать: «Не должна клясться та сторона, которая возбуждает дело, ибо ей [или после того как ей] не было выражено доверие (судом)». Но эта конъектура уводит все же слишком далеко от дошедшего до нас текста. Остается также непонятным, кто же в следующем предложении должен клясться «по своей вере»: обвиняющей стороне это запрещено (по Миклошичу) предыдущим предложением, обвиняемой стороне такая клятва бесполезна, ибо эта сторона все же, несмотря на свою клятву, признается виновной, и эта (мнимая) вина соответствующим образом наказывается. Неудовлетворительное в языковом отношении и по существу неясное предложение Миклошича не могло быть признано убедительным и так же, как предложение Соловьева, не нашло сторонников и последователей. В то же время оно показывает, что Миклошич считал непонятным смысл содержащегося в летописи текста.

В 1882 г. В. Сергеевич в замечательной работе «Греческое и русское право в договорах с греками X века» также интерпретирует интересующий нас параграф договора 911 г.⁹ «Текст статьи не совсем ясен», — пишет он. Однако, по его мнению, несомненным является то, что здесь противопоставлены два рода доказательств. С одной стороны, это — «показания явленные» (материальные следы события и показания сторонних лиц), с другой — клятвы (присяги). Но кто может быть допущен к присяге? Договор определяет: «Да кленется часть та, иже ищет неятю вѣры». Относительно этого Сергеевич говорит: «Выражение „иже ищет неятю вѣры“ нам совершенно непонятно». В отличие от Сергеевича я нахожу эти слова вполне понятными. Это та сторона, которая добивается, чтобы предоставленным доказательствам не было выражено доверия. Какая же сторона может под этим

⁷ Хотя М. В. Левченко в «Очерках по истории русско-византийских отношений» (М., 1956. С. 123) повторяет почти дословно формулировки Соловьева, однако он не выходит за их рамки.

⁸ Микл. С. 17; примеч. к этому пункту на с. 201.

⁹ ЖМНП. 1882. Ч. 219, янв.—февр. С. 82—115. Интерпретация интересующего нас параграфа — на с. 110—112.

подразумеваться? Сергеевич полагает, что это может быть как ответчик, так и истец, и клятва, таким образом, может служить как дополнительной присягой (если ее приносит истец), так и очистительной клятвой, если клянется ответчик. А кто может быть допущен к присяге, по мнению Сергеевича, решает судья. Сергеевич обосновывает эту точку зрения ссылкой на слова «да кленется часть та». Выражение «часть та», как он считает, показывает, что здесь имеется альтернатива, что, таким образом, как одна, так и другая сторона процесса могут быть допущены к присяге.

Я согласен, что само по себе выражение «часть та» может быть истолковано таким образом. Но тем не менее в общем контексте параграфа такое объяснение мне кажется неправдоподобным. Ведь «показания» все же дает истец, а не ответчик. И даже если обе стороны процесса могут быть допущены к присяге, остается непреодоленной основная трудность параграфа: содержащееся в последнем предложении положение, согласно которому ответчик в любом случае подвергается наказанию, так что его клятва является напрасной.

Не так давно Ирен Сорлин в своем очень основательном исследовании¹⁰ присоединилась к точке зрения Сергеевича. На с. 333 она переводит нашу статью следующим образом: «Pour ce qui est des articles concernant les délits, convenons de la sorte: S'il y a des preuves évidentes, que l'on tienne pour vrai ce qu'elles prouvent, mais si on ne leur prête pas foi, que la partie plaignant et celle qui cherche à démentir prêtent serment, et quand elles auront prêté serment selon leur foi, que le châtement soit mesuré au crime tel qu'il apparaîtra».

Хотя мадам Сорлин ссылается на Сергеевича, она изменяет его концепцию по двум пунктам: 1) по Сергеевичу, судья может допустить ту или иную сторону к присяге; у мадам Сорлин, напротив, обе стороны должны присягать всегда, когда «та» («он»), что обозначает, по-видимому, судья, не высказывает доверия представленным доказательствам; и 2) она полагает, что слово «часть» является, по мнению Сергеевича, «terminus technicus» для обвиняющей стороны в процессе. Однако Сергеевич не говорит этого. Согласно его точке зрения, «часть» может обозначать и ту и другую сторону — и истца и ответчика. Что касается первого пункта, то присяга, если ее должны принести оба участника процесса, еще более лишена смысла; ибо и тот и другой будут укреплять клятвой свою позицию в споре, и судья после этой клятвы еще менее, чем до нее, будет способен разобраться, кто же из двоих прав. Кроме того, и по интерпретации мадам Сорлин также остается неясным, почему же ответчик, несмотря на свою клятву, признается виновным и подвергается соответствующему наказанию.

Ощущение непонятности текста впоследствии как будто пропало. Лингвистически ясный текст переводился так, как он есть, смысловая трудность, содержащаяся в нем, опускалась. Карел Яромир Эрбен переводит его в своем чешском переводе летописи Нестора следующим образом: «A o člancích, když se přihodí nějaká škoda, ustanovujeme takto: Pokud na jevě bude k oznámení z jevnýmú pŕtahy, at' se nám podá věrné jich vyličení; a nebudou-li čemu chtítu věřiti, tehdy at'přisahá část ta, která chce, aby nebylo věřino; a když přisahne podlé viry své, uložen bude trest, jakož se v tom jeví provinění».¹¹

В английском переводе Самуэля Х. Кроцца читаем следующее: «In the atter of stipulations concerning damage, we subscribe to the following provisions: If lear proofs exist, there shall be a true declaration of such proofs. But

¹⁰ Sorlin I Les traites de Byzance avec la Russie au Xe siecle // Cahiers du monde russe et sovietique 1961 T 2 P 313–360 447–475

¹¹ Nestoruv letopis ruský Povest davnych let / Z originalu preložil Karel Jaromir Erben Praha 1954 C 42

if no credence attach to such declaration, the dissenting party shall take oath to this effect, and after he shall have taken oath according to his faith, a penalty shall be assessed in proportion to the trespass committed».¹² Во втором издании перевода Кросса начало третьего предложения улучшено: «But if this declaration is contested...». В последнем предложении добавлено: «in proportion to the apparent trespass committed». Словом «apparent» переведено неуместно пропущенное в первом издании слово «явиться».

Немецкий перевод Рейнольда Траутмана, опубликованный в 1931 г., звучит следующим образом: «Was aber das Verfahren betrifft, wenn sich ein Verbrechen ereignet, vereinbaren wir folgendes: Wenn es offenbar wird durch augenscheinliche Beweise, so soll man die Beschuldigung für richtig halten, wenn man einer Beschuldigung nicht Glauben schenkt, soll der Teil schworen, der sich bemüht, daß man dem Beschuldiger nicht glaubt. Wenn er aber gemäß seinem Glauben schwort, soll eine dem Vergehen angemessene Strafe erfolgen».¹³

Перевод Д. С. Лихачева 1950 г.: «А о главах, касающихся возможных совершиться злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а какому злодеянию не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление».¹⁴

Особенность перевода Лихачева состоит в том, что он относительное местоимение «ему же» раскрывает существительным «злодеянию», в то время как в древнерусском тексте оно, скорее, должно относиться к слову «показание»: «Если показанию не верят...». Однако поскольку речь здесь идет о показании в пользу преступления, то смысл этих слов сводится к одному и тому же. В последнем предложении слова «по вѣре своеи» при переводе не учтены.

Польский переводчик летописи Франтишек Силицкий полностью следует за переводом Лихачева.¹⁵ Не учтенные в переводе Лихачева слова переведены соответственно: «wedle wiary swojej».

Готфрид Штурм в своем переводе Радзивилловской летописи, опубликованном в 1986 г., довольно точно передает древнерусский текст, не обращая внимания на его смысловые трудности.¹⁶

Три современных переводчика ясно осознают — точно так же, как интерпретаторы от Шлецера до Миклошича в прошлом столетии — смысловые трудности, имеющиеся в тексте, и пытаются сделать текст понятным путем внесения в него изменений.

В 1952 г. А. А. Зимин в 1-м выпуске «Памятников русского права» также издает, переводит и комментирует текст договора 911 г.¹⁷ Зимин пуб-

¹² The Russian Primary Chronicle / By Samuel H Cross Cambridge, Harvard University Press 1930 P 152 Neuauflage hsg von Olgerd P Sherbowitz-Wetzor Cambridge, Mass., 1953, 3-е изд 1973 P 66

¹³ Die altrussische Nestorchronik Povest' vremennyh let / Übersetzung herausgegeben von Reinhold Trautmann Leipzig, 1931 S 20

¹⁴ Повесть временных лет Ч 1 Текст и перевод / Подгот текста Д С Лихачева, Пер Д С Лихачева и Б А Романова, Под ред чл-к-ррр АН СССР В П Адриановой-Перетц М Л 1950 С 223 Параллельно в изд Начало русской литературы XI—начало XII века М 1978 С 49

¹⁵ Powiesc minionych lat / Opracowal Franciszek Sielicki Wroclaw Warszawa, Krakow 1968 S 235

¹⁶ Rauchspur der Tauben Radziwill-Chronik / Aus dem Altrussischen übertragen und herausgegeben von Helmut Grasshoff Dietrich Freydank und Gottfried Sturm Leipzig Weimar 1986 S 43 f «Якож явиться согрешенью» Штурм переводит «Wie das Vergehen erfordert» Однако «явиться» не может быть собственно переведено как «erfordert»

¹⁷ ПРПГ (6—29

ликует текст по списку Р со всеми существенными вариантами по другим рукописям и изданиям. Он переводит текст в том виде, в каком тот дошел до нас в списке Р (С. 11), однако в примечаниях (С. 16 и след.) обращает внимание на смысловые трудности и предлагает устранить их, опустив предложение «да кленеться чзсть та, иже ищеть неятю вѣры», отсутствующее в списках группы С (Софийская I и Новгородская IV). В обосновании он пишет (С. 16 и след.): «Эту фразу мы склонны считать позднейшей вставкой, неудачно объясняющей текст статьи. Получилась несуразица: присягает (идет на «фоту») обвиняемый (очевидно, с целью снять с себя обвинение), затем присягает обвинитель и <...> обвиняемый наказывается («будет казнь») соответственно степени его виновности или характера преступления («якоже вивится согрешение»). Присяга обвиняемого в данном случае не имеет смысла».

Во-первых, что касается отсутствия указанного пассажа в списках группы С, то этот аргумент не имеет важного текстологического значения, так как данная группа списков более поздняя по своему положению в стемме. Этот пропуск, как уже было сказано, текстологически можно легко объяснить: писец при переписке перескочил от первого слова «вѣры» ко второму случаю употребления этого слова. Однако и тот текст, который остается после исключения этого пассажа, также не может считаться удовлетворительным в языковом и в смысловом отношении. Тогда в предложении «да егда кленеться по вѣре своеи» отсутствует подлежащее: непонятно, кто должен клясться. В цитированном выше примечании Зимина этот теперешний текст списка Р (который, по его мнению, не может быть понят) выглядит таким образом, что согласно ему сначала должен присягать обвиняемый, затем истец. Однако этого нельзя почерпнуть из текста. Ни одним словом не указывается, что подлежащее для слов «да егда кленеться» иное, чем в предыдущем предложении. Согласно ясному тексту клятву приносит один и тот же — в обоих случаях обвиняемый. «Несуразица», которую Зимин справедливо усматривает в тексте, состоит не в том, что один так, а другой иначе клянется и что клятве одного верят больше, чем клятве другого, а в том, что обвиняемого заставляют поклясться в своей невиновности и все же после этого наказывают, как если бы его вина была доказана. Последнее предложение Зимина в таком случае еще более справедливо: «Присяга обвиняемого в данном случае не имеет смысла».

Примерно так же, как Зимин, переводит Манфред Гельман в своем вышедшем в 1987 г. сочинении «Die Handelsverträge des 10. Jahrhunderts zwischen Kiev und Byzanz», не уделяя, правда, в отличие от Зимина, внимания «несуразице» в данном тексте или вообще не замечая ее.¹⁸ Его перевод гласит: «Aber über die Paragraphen, die möglicherweise auftretende Missetaten berühren, emigen wir uns so: Die Missetaten, die eindeutig bewiesen werden, sollen als unstreitig aufgeklärt gelten. Wenn man aber beginnt, an eine Missetat nicht zu glauben, so soll diejenige Seite, die sich darum bemüht, daß man nicht an diese Missetat glaubt, einen Eid leisten; und wenn diejenige Seite, die von der Missetat überzeugt ist, einen Eid leistet (und damit überzeugt), so soll eine der Missetat entsprechende Bestrafung erfolgen».

Гельман, как и Зимин, распределяет, таким образом, оба предложения, в которых говорится о принесении присяги, между двумя сторонами процесса: между обвиняемым и истцом. Однако он делает это не в виде предположения в примечании, как у Зимина, а включает без комментариев в

¹⁸ Hellmann M Die Handelsverträge des 10. Jahrhunderts zwischen Kiev und Byzanz // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa Göttingen, 1987 Tl 4 S 658

свой перевод. Так как слова «по вѣре своеи» в его переводе не имеют соответствия, я предполагаю, что оборот «die von der Missetat uberzeugt» нужно считать переводом этих слов. Однако такой перевод совершенно не соответствует другим местам в подобных летописных статьях.¹⁹

В качестве последнего перевода нашего параграфа следует процитировать перевод Леоноид Махновца на украинский язык.²⁰ Он отличается от всех вышеназванных тем, что в основу здесь положен не текст Р, а текст Ипатьевской летописи, в которой смысл предложения, имеющийся в Р, передан прямо противоположно, так как здесь вместо «да кленется» читается «да не кленется». Уже Миклошич принимал во внимание такой вариант, очевидно не зная, что он читается в тогда еще не опубликованной Ипатьевской летописи. Махновец переводит: «А про справи щодо злочинів, які можуть статися, урядимося так: [злочин] нехай настільки явно буде доведений доказами, щоб [судді] мали віру до цих доказів; а коли вони йому, [доказові], будуть не йняти віри, нехай не клядеться та сторона, яка прагне, щоб [доказові] не вірили; а коли поклянуться [позивач] по вірі своїй — буде [такою] кара, якою й виявиться провина».

Перевод верно передает текст Ипатьевской летописи. Проблематично только то, что в качестве подлежащего в предложении «да егда кленется по вѣре своеи» выступает истец, хотя это слово и вставлено как добавление в квадратных скобках. Возможно, если обвиняемому запрещают клясться, то вообще клятводателем остается только истец. Однако сам текст не содержит этого смысла. Так как в предыдущем предложении в качестве подлежащего выступил обвиняемый, в следующем подлежащим несомненно должен был бы быть обозначен истец, если бы он имелся в виду. Сам Махновец чувствует, что его перевод и интерпретация сомнительны, и добавляет в примечании: «В Ип. 1 Хл. „да не кленется“, у Радз. навпаки — „да кленется“; перекладаємо за Ип., хоча немає цілковитої певності щодо того, чи точно перекладено цю ключову статтю».

После подробного изложения существующих на сегодняшний день попыток перевода и трактовки текста я могу относительно кратко сформулировать и обосновать свое собственное предложение по толкованию этого важного параграфа. Его подлинный смысл, по моему представлению состоит в следующем:

Если заявлено о преступлении («проказа»), подлежащем наказанию, оно должно быть абсолютно («явѣ») доказано или подтверждено убедительными показаниями. Если такие показания имеются, то преступление должно считаться несомненно доказанным фактом. Однако если обвиняемая сторона оспаривает достоверность предложенных показаний (и таким образом эти показания не являются «явными»), то она может подтвердить свою невиновность клятвой. Если она принесла клятву, ей верят до такой степени, что процесс прекращается. Такой порядок соответствует правовому закону «In dubio pro reo» — «Сомнительный случай решается в пользу обвиняемого». Однако перед правосознанием теперь возникает вопрос: значит, если обвиняемый клянется в своей невиновности ложной клятвой, то преступление остается ненаказанным, вина неискупленной? На этот вопрос отвечает последнее предложение параграфа. Так как клятва совершается «по вѣре», т. е. «по религии» клянущегося, то это религиозный акт, его гарантом является Бог, перед вышним Судом которого все мы должны предстать (ср. 2 Кор 5: 10) и перед всеведением которого явны все человеческие согрешения.

¹⁹ ПСРЛ Т 1 Стб 33 Строки 19 34 27 37, 19 Глагол «начнут» в предыдущем предложении являющийся вспомогательным словом для образования формы будущего времени, также неверно переведен выражением «wenn man aber beginnt»

²⁰ Літопис руський за ипатьським списком / Переклав Леонид Махновець Київ, 1989 С. 20

шения. Кто избежит земного наказания, принеся ложную клятву, тот должен будет нести ответ перед Судом Божиим не только за содеянное им преступление, но и за более тяжкий грех клятвопреступления. Этой клятвой обвиняемый апеллирует к высшей инстанции — Суду Всевышнего. Тем самым низшая инстанция — земной суд — избавлена от обязанности и права искать истину и выносить приговор и может следовать закону земного правосудия «In dubio pro geo».

Следует обратить внимание на то, что в конце параграфа вина преступника обозначена иным словом, чем в начале: в начале это была «проказа», в конце — «согрешенье».²¹ Это последнее слово в церковнославянской литературе почти всегда, в летописи Нестора постоянно употребляется в религиозном значении, как согрешение, как вина перед Господом.²²

Проявившиеся в этом параграфе правовые представление и практика подтверждены также и другими местами из договоров русских с греками. В одном из следующих параграфов этого же договора в качестве наказания за нанесение человеку раны каким-либо оружием установлен денежный штраф в «пять литр серебра». Если преступник не может внести эту сумму, то он должен заплатить, сколько может, но затем поклясться по своей вере, что не имеет большей возможности. После этого, т. е. после клятвы, уголовное дело не должно более продолжаться.²³

О том, что санкции по нарушению клятвы находятся в распоряжении Бога, особенно явно свидетельствует договор от 945 г., в котором христианину-клятвопреступнику угрожают, «что он не получит помощи от Бога, что он будет рабом в этом веке и в будущем», а язычнику — «что он будет проклят Богом и Перуном, если нарушил свою клятву».²⁴

Без какого-либо существенного изменения текста²⁵ параграф утрачивает при данной интерпретации свою «несуразицу» и становится совершенно понятным как в языковом отношении, так и по смыслу. На немецкий язык я перевожу его следующим образом:

«Aber hinsichtlich der Punkte^a, wenn ein Verbrechen geschieht, vereinbaren wir folgendes: Wenn es offenkundig ist durch offen vorgewiesene Beweismittel^b, so soll man das durch solche [Beweismittel] offenkundig Gemachte^c für erwiesen

²¹ Некоторые переводчики передавали оба слова одним и тем же эквивалентом Зимин — «преступление», Силицкий — «przekroczenie», Гельман — «Missetat» Другие различали эти понятия Траутман и Штурм «Verbrechen» — «Vergehen», Эрбен «škoda» — «grovineni», Лихачев «злодеяние» — «преступление», Махновец «злочин» — «провина» Однако, даже когда переводчики употребляли разные слова для двух русских понятий, качественное различие между «проказа» и «согрешение» выступало не совсем отчетливо, удачнее всего у Кросса «damage» — «trespass»

²² См примечание к слову «согрешение» в кн Grober B, Müller L Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik München 1977—1986 S 762

²³ ПСРЛ Т 1 Стб 34 Строка 29

²⁴ Там же Стб 53 Строки 3 и след, 15 и след

²⁵ Изменено только «явление» на «явление», «иже» на «яже», см выше, в начале статьи, при рассмотрении вариантов к тексту

^a «глава» я перевожу словом «Punkt» в смысле «предмет обсуждения» Наш параграф является введением к перечисленным далее преступлениям убийство, телесное повреждение, кража, разбойное нападение Параграф упорядочивает судопроизводство по этим преступлениям

^b «Beweismittel» — по-русски «показания» Это могут быть как показания свидетелей, так и вещественные доказательства

^c «offenkundig Gemachte» — по русски «явление» Я перевожу несколько обстоятельно, так как хотел бы три слова, образованных от корня «яв» — «яве», «явление», «явится» и по-немецки произвести от одного корня, тем самым показав их взаимосвязанность В греческом оригинале договора могло бы стоять «δῆλον» «δῆλον ποιεῖν» «δηλωσις» или «φανερός», «φανερον ποιεῖν», «φανερούν», «φανερωσις» Ср места из Библии 1 Кор 3 13, 4 5, 2 Кор 5 10, на которых основывается правовое представление в этом параграфе «Явление» в рукописи я изменяю как уже было сказано, согласно предложению Миклошича и Шахматова на «явление»

erachten.^d Wenn man aber einem Beweismittel nicht Glauben schenkt,^e so soll die Partei, die zu erreichen sucht, daß man dem vorgewiesenen Beweismittel nicht Glauben schenkt, schworen; und wenn sie schwört nach ihrem Glauben,^f so wird Strafe erfolgen, wenn^g die Versündigung^h offenbar wirdⁱ».

^d «явление вѣрно имѣти» — двойной аккузатив, как в греческом «εχειν» с дополнением в винительном падеже и прилагательным в качестве сказуемого Ср Bauer W Wörterbuch zum Neuen Testament 4 Aufl Berlin, 1952 Sp 603

^e «Man» в этом предложении (в древнерусском — 3 л мн ч «начнут») относится к судьям Этот оборот исключает, что в любом случае очистительной клятвы обвиняемого должно быть достаточно, чтобы прекратить процесс Судьи при неудовлетворительном состоянии показаний истца, сами должны иметь сомнения в достаточности предъявленных доказательств и вместе с тем в виновности ответчика Только в этом случае допускается очистительная клятва

^f «Вѣра», «Glaube» — то же самое, что «религиозное вероисповедание», «религия» Ср ПСРЛ Т 1 Стб 34 Стр 27, Стб 38 Стр 7—8, Стб 49 Стр 23, Стб 52 Стр 10, Стб 82 Стр 14 и т д Подлежащее в предложении «да егда кленеться по вѣре своей» то же, что и в предыдущем предложении обвиняемая сторона Лингвистически другой вариант в имеющемся у нас тексте невозможен В смысловом отношении это при нашей интерпретации совершенно понятно Оборот «wenn sie aber schwört nach ihrem Glauben» не имеет значения «в случае, когда она так клянется» (ибо любая клятва совершается «по вере» клянущегося), но употребляется в смысле «так как она клянется по своей вере», т е «так как присяга происходит с призыванием Бога в свидетели»

^g «якоже» — по-видимому, перевод греческого «ως» или «ως ἄν» До сих пор почти всегда это слово рассматривалось как сравнительный союз и соответственно переводилось «jakož» (Эрбен), «in proportion» (Кросс), «соответственно» (Зимин), «odpowiedana» (Силицкий), «angemessen» (Траутман), «so wie» (Штурм), «entsprechend» (Хеллман), «якою» (Махновец) Однако «ως» или «ως ἄν» имеет также функцию временного союза, ср Bauer W Wörterbuch Sp 1630

^h «согрешенье» в летописи постоянно и в древнецерковнославянском языке почти всегда употребляется в религиозном смысле, как согрешение перед Господом Ложная клятва в отличие от «проказа» — это не преступление, нарушающее исключительно земной закон, а согрешение перед Господом Поэтому эти два понятия не должны передаваться при переводе одним и тем же словом, как это часто происходило См примеч 21

ⁱ «wenn die Versündigung offenbar wird» — т е на высшем Суде, где все «согрешения очевидны», ср Рим 2 16, 2 Кор 5 10